

М. К. Юрасов

К вопросу о первых очагах распространения христианства у восточных славян

УДК 271.2-9+94(470)
DOI 10.47132/1814-5574_2023_1_267
EDN LLKIEC

Аннотация: В условиях отсутствия точных данных источников о времени и месте первого крещения исследователи пытаются связать его с походом руси на Константинополь 860 г. или путешествием свв. Константина (Кирилла) и Мефодия в Хазарию (860–861), несмотря на отсутствие даже намеков в дошедших до нас текстах, написанных в то время. Для этого используются сведения более поздних источников, создатели которых якобы перенесли информацию о событиях 60–70-х гг. IX в. на эпоху Владимира Святого. Все это не имеет под собой серьезных оснований. Поход 860 г. был успешным для язычников-русов и не мог побудить их к принятию христианства. Скорее всего, они совершили еще один набег на Византию ок. 865 г., закончившийся неудачей, после чего часть их решила ок. 866 г. уверовать в Христа, что было отмечено в «Окружном послании» константинопольского патриарха Фотия. Однако первый «росток» христианской веры на Руси оказался недостаточно жизнеспособным и вскоре погиб. В 881/882 г. возник очаг распространения христианства в бассейне Верхней Тисы, где проживали предки современных подкарпатских русинов. Именно там возник первый «русский обряд» богослужения, распространения которого на Чехию боялась римская папская курия в 60-х годах X в.

Ключевые слова: начало христианизации Руси, поход русов на Византию 860 г., миссионерская деятельность свв. Константина (Кирилла) и Мефодия, правление в Киеве Аскольда и Дира.

Об авторе: **Михаил Константинович Юрасов**

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

E-mail: mihail_yurasov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0978-365X>

Для цитирования: Юрасов М. К. К вопросу о первых очагах распространения христианства у восточных славян // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 267–288.

Статья поступила в редакцию 27.07.2022; одобрена после рецензирования 27.08.2022; принята к публикации 10.09.2022.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 1

2023

Mikhail K. Yurasov

On the Question of the First Centers of the Spread of Christianity among the Eastern Slavs

UDK 271.2-9+94(470)
DOI 10.47132/1814-5574_2023_1_267
EDN LLKIEC

Abstract: In the absence of accurate source data on the time and place of the first baptism, researchers are trying to connect it with the campaign of the Rus against Constantinople in 860 or the journey of Sts. Constantine (Cyril) and Methodius to Khazaria (860–861), despite the absence of even hints in the texts written at that time that have come down to us. For this, information from later sources is used, the creators of which allegedly transferred information about the events of the 860–870s to the era of Saint Vladimir. All this has no serious grounds. The campaign of 860 was successful for the pagan Rus and could not induce them to accept Christianity. They most likely made another raid on Byzantium c. 865, which ended in failure, after which some of them decided ca. 866 to believe in Christ, which was noted in the “District Epistle” of Patriarch Photius of Constantinople. However, the first “sprouting” of the Christian faith in Rus was not viable enough and soon died. In 881/882, a center for the spread of Christianity arose in the basin of the Upper Tisza, where the ancestors of the modern Subcarpathian Rusyns lived. It was there that the first “Russian rite” of worship arose, the spread of which to the Czech Republic was feared by the Roman papal curia in the 960s.

Keywords: the beginning of the Christianization of Rus, the campaign of the Rus against Byzantium in 860, the missionary activity of Sts. Constantine (Cyril) and Methodius, the reign of Askold and Dir in Kyiv.

About the author: **Mikhail Konstantinovich Yurasov**

Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: mihail_yurasov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0978-365X>

For citation: Yurasov M. K. On the Question of the First Centers of the Spread of Christianity among the Eastern Slavs. *Khristsianskoye Chteniye*, 2023, no. 1, pp. 267–288.

The article was submitted 27.07.2022; approved after reviewing 27.08.2022; accepted for publication 10.09.2022.

Проблемы датировки и локализации первых очагов крещения восточных славян до сих пор не поддаются убедительному разрешению. Сделать это весьма непросто, может быть, даже до конца невозможно, учитывая лапидарные сведения источников, но ситуация усугубляется еще и тем, что названные проблемы пытались решить как церковные, так и «мирские» историки. При этом первые, как правило, не принимают во внимание результаты исследований последних, а также привлекают (без источниковедческой критики) тексты XIII в. и более позднего времени, главным образом религиозного содержания, в чем проявляется прежде всего стремление удревнить начало христианского периода русской истории в ущерб поискам объективной истины. Это бросается в глаза при сравнении многочисленных работ, появившихся в связи с празднованием в 1988 г. 1000-летнего юбилея Крещения Руси, в которых поднимались в том числе и обозначенные выше проблемы, поскольку приобщение киевским князем Владимиром Святославичем (978–1015) восточных славян к Христовой вере стадо кульминацией процесса, начавшегося задолго до принятия этого судьбоносного для восточных славян решения князем и его боярами. К сожалению, широкой научной дискуссии по проблемам истоков русского христианства между обозначенными выше группами историков пока не произошло, дело ограничилось изданием исследований и сборников статей¹, после чего «мирские» исследователи перестали серьезно затрагивать эту проблематику, а церковные остались при своем мнении, которое опирается на весьма тенденциозный подбор источников и подчас весьма сомнительную интерпретацию их сведений.

Вновь затронуть проблемы датировки и локализации первого очага крещения восточных славян меня побудили мои научные интересы, связанные с изучением ранней истории русинов. Результаты моих исследований в данном направлении были изложены в статьях и небольшой книжке очерков, посвященных истории одного из очагов христианизации восточного славянства, находившегося в Подкарпатской Руси [Юрасов, 2005; Юрасов, 2010а; Юрасов, 2010б; Юрасов, 2013]. К сожалению, жесткие условия, поставленные мне немецким издательством "Sanktum", от которого исходила инициатива издания сборника моих статей, превращенных в ходе работы над ним в очерки, не дала мне возможности включиться в дискуссию по названным проблемам, поэтому мне также пришлось ограничиться изложением своей концепции, согласно которой старший из славянских первоучителей – менее известный св. Мефодий – приобщил к Христовой вере предков современных подкарпатских русинов, что, скорее всего, подтверждает поздний византийский источник (хроника Михаила Апостолиса), сохранивший грамматическую традицию IX в., что позволяет предположить точное копирование его автором текста более раннего источника, современного описываемым событиям (Шрайнер, 1991). В настоящей работе мне хотелось бы рассмотреть дошедшие до нас свидетельства о первых очагах христианства у восточных славян и их аргументированные интерпретации исследователями, чтобы еще раз, с учетом недавно введенных в научный оборот сведений, оценить степени вероятности выдвигаемых историками датировок появления и локализаций первых очагов христианства у восточных славян.

Поскольку речь в данном случае идет о времени активной просветительской и миссионерской деятельности свв. Константина (Кирилла) и Мефодия, выдвигаемые исследователями версии так или иначе связаны с подвижничеством «солунских братьев». Никаких конкретных сведений о том, что создатели славянской письменности занимались миссионерством среди восточных славян, до нас не дошло. В «Окружном послании» константинопольского патриарха Фотия (856–867 и 877–886), написанном в конце 866 или первой половине 867 г., есть известие о том, что какая-то часть «росов», народности, представители которой совершили дерзкий набег на столицу Византии в июне 860 г., недавно приобщилась к Христовой вере². Это известие

¹ См.: [Введение христианства, 1987; Лебедев, 1987; Рапов, 1988; Как была крещена, 1989] и др.

² См. новейшую сводку сведений источников о походе руси на Константинополь 860 г.: [Кузенков, 2003, 73 (текст) / 75 (пер.)].

определяет предполагаемый временной интервал первой христианизации проживавшей в Восточной Европе неизвестной группы населения, названной патр. Фотием «росами», которая, скорее всего, состояла из восточных славян и варягов. Участие последних в набеге на Константинополь можно предположить, опираясь на сохраняющуюся русскими летописцами традицию приписывания руководства этой военной операцией легендарным киевским князьям Аскольду и Диру³. Таким образом, самой ранней датой появления первого очага христианства у восточных славян (чисто гипотетически) будет конец 860 г., а самой поздней — 866 г. При этом, как будет показано ниже, более вероятным является отнесение предполагаемой даты первого крещения восточных славян и проживавших на Руси варягов ближе к концу этого временного интервала, нежели к его началу.

Ввиду того, что патр. Фотий не сообщает никаких подробностей относительно появления первого очага христианства у восточных славян, историки, особенно вдохновлявшиеся идеей во что бы то ни стало установить точный год этого события, давно обратили внимание на привнесенный в Житии св. Константина (Кирилла) рассказ о поездке славянских первоучителей на религиозный диспут в Хазарию, датируемый исследователями 860–861 гг. Иногда окончание этой поездки произвольно относят к 862 г., один из примеров тому будет рассмотрен ниже. Поскольку путешествие свв. Константина (Кирилла) и Мефодия в Хазарию укладывается в рамки обозначенного временного интервала, ряд историков не смогли устоять перед соблазном приписать св. Кириллу организацию и проведение самого первого крещения язычников-русов. При этом беспрецедентная дерзость, проявленная при набеге на столицу Византийской империи этими «северными варварами», побуждает любителей героизации славного прошлого великого русского народа крайне скептически относиться к сведениям источников, которые якобы в соответствии с политическими интересами более позднего времени «умолчали» о «великой миссии „солунских братьев“ на Руси».

Еще во второй трети XIX в. высказывалось мнение о том, что Константин Философ и его брат Мефодий были причастны к первому крещению части восточных славян благодаря якобы посланному ими на Русь миссионеру Навроку. Об этом писали В. А. Мацеёвский и митр. Макарий (Булгаков), опиравшиеся на сведения польского ученого Стредковского, якобы имевшего в своем распоряжении некий не дошедший до нас древний документ [Мацеёвский, 1840, 110; Макарий Булгаков, 1857, 287]⁴. Традиция же скептического отношения к источникам, созданным «недобросовестными» книжниками, идет не от церковных историков, а от выдающегося российского слависта XIX в. — академика В. И. Ламанского (1833–1914), первым заподозрившего авторов «паннонских житий», т. е. житий свв. Кирилла и Мефодия, в таком «грехе».

В обширной статье, части которой публиковались в семи номерах «Журнала Министерства народного просвещения» за 1903–1904 г. [Ламанский, 1903–1904], В. И. Ламанский отстаивает мнение, согласно которому в описании миссии «солунских братьев» в Хазарию, о которой повествуют главы VIII–XII Жития св. Кирилла (далее — ЖК), в Хазарском каганате следует видеть Русский каганат, а сама эта миссия является прямым следствием стремления «росов» приобщиться к Христовой вере, о чем пишет патр. Фотий в своем «Окружном послании» как об уже свершившемся факте. По мнению В. И. Ламанского, для поездки в Хазарию императору не нужно было искать образованных людей, знающих славянский язык [Ламанский, 1903, № 6, 380–381; 1904, № 4, 220, 355–357]. Другим объектом обвинений В. И. Ламанского стал автор (и/или редакторы) пространного рассказа Повести временных лет (далее — ПВЛ), называемого «Споры о вере» и помещенного под 986 г. (Лавр., стб. 84–106; Ип., стб. 71–92). Как считает В. И. Ламанский, «память о св. Кирилле сохранилась в предании о беседах Константина Философа, но летописец не догадался, что св. Кирилл,

³ Впервые о руководстве Аскольдом и Диром походом на Константинополь при императоре Михаиле III (842–867) свидетельствует Повесть временных лет, датируя его 866 г. (Лавр., стб. 21; Ип., стб. 15).

⁴ Подр. об этом см.: [Рапов, 1988, 102].

просветитель славян, и Константин Философ — одно лицо» [Ламанский, 1904, № 1, 172]. При этом уважаемый академик явно погрешил против истины: мудрец, ставший наставником Владимира Святославича в вопросах христианского вероучения, в ПВЛ не назван Константином, он там фигурирует как безымянный философ.

Обвинения, адресованные создателям ПВЛ, в том, что они перенесли события 60-х гг. IX в. в эпоху официального крещения Руси, представляются абсолютно голословными. Судя по тексту ПВЛ, ее создатели были хорошо осведомлены о миссионерской деятельности «солунских братьев» и создании ими славянской письменности. Под 898 г. в ПВЛ помещен рассказ, который исследователи называют «Сказанием о преложении книг на славянский язык», где признается огромный вклад Константина Философа и Мефодия в просвещение славян и укрепление их в христианской вере. При этом упомянуты моравы и болгары как народности, на землях которых проходила миссионерская деятельность славянских первоучителей (Лавр., стб. 26–28; Ип., стб. 18–20). Трудно себе представить, чтобы преклонявшиеся перед святыми братьями создатели ПВЛ умолчали бы о приобщении Константином и Мефодием части восточных славян к христианству.

Еще один источник, автор которого якобы также отнес имевшийся в его распоряжении рассказ о первом крещении Руси к эпохе Владимира Святого, «Обстоятельное повествование о том, как крестили народ россов» — известный с XVIII в. в отрывках и обнаруженный в 1896 г. в полном списке В. Э. Регелем памятник греческого происхождения. В новейшем издании он назван «Точное повествование о том, как крестился народ росов» [Кузенков, 2003, 140–146] и датируется исследователями серединой XV в. Здесь также речь идет о времени правления в Киеве Владимира Святославича (978–1015), но в сказании фигурирует византийский император Василий I (867–886), основатель Македонской династии, а также посланные на Русь миссионеры Кирилл и Афанасий, которым приписывается составление славянской азбуки. Упоминание в рассматриваемом сказании императора, бывшего современником летописных Аскольда и Дира, да еще имя Кирилл, которое здесь носит один из миссионеров — создателей славянской азбуки, вызвали у В. И. Ламанского ощущение того, что в повествовании так же, как и в ПВЛ, события эпохи патр. Фотия отнесены ко времени начала официальной христианизации Руси. В Кирилле и Афанасии В. И. Ламанский видел «солунских братьев», миссию которых к «русскому кагану» он датировал 861 г. Стремясь подчеркнуть значение этих событий, историк видел причинно-следственную связь между ними и деятельностью свв. Константина (Кирилла) и Мефодия в Моравии: по мнению В. И. Ламанского, именно успех их «русской миссии» побудил великоморавского князя Ростислава (846–870) пригласить братьев в 863 г. для аналогичной деятельности в подвластной ему Великой Моравии [Ламанский, 1904, № 1, 172 и др.].

Несмотря на пространность рассуждений В. И. Ламанского, они все равно остаются чисто умозрительными. Трудно себе представить, что написанное шесть столетий спустя, явно сочиненное монахами провинциальной обители (рукопись обнаружена в библиотеке монастыря св. Иоанна Богослова на о. Патмос) в эпоху крушения Византийской империи «Обстоятельное повествование» более достоверно, чем ЖК, создание которого исследователи приписывают его брату св. Мефодию и/или его ученикам. В данном случае намного вероятнее в рассматриваемом сказании проявляется типичный анахронизм, возникший при искусственном соединении материалов двух преданий разного времени. Один из главных аргументов В. И. Ламанского в пользу отнесения описываемых в рассматриваемом сказании событий к началу 60-х годов IX в. — имя Кирилл одного из миссионеров — не является убедительным, поскольку почти всю свою жизнь младший из «солунских братьев» был Константином и лишь перед смертью, приняв схиму, стал Кириллом [Рапов, 1988, 113].

Уже современник В. И. Ламанского Е. Е. Голубинский подверг суровой критике все скептические суждения своего коллеги относительно предвзятости и недостоверности ЖК, создатель (или создатели) которого якобы умолчали о «русской миссии»

славянских первоучителей. Е. Е. Голубинский решительно заявил о том, что «Обстоятельное повествование» не имеет «никакого исторического значения» [Голубинский, 1907, 380 и др.]. Тем не менее традиция связывать первое крещение восточных славян с путешествием свв. Константина (Кирилла) и Мефодия в Хазарию оказалась весьма живучей, особенно в среде церковных историков.

Так, ее активно отстаивал, находясь в эмиграции после прихода к власти в России большевиков, А. В. Карташев (1875–1960), заявлявший о том, что «862-й год не год начала русского государства, а *год начала русской церкви с епископом во главе* (выделенное курсивом дано разрядкой. — М.Ю.)» [Карташев, 1993, 92]. Свои доводы в поддержку гипотезы В. И. Ламанского, высказанной им в статье «Славянское житие св. Кирилла, как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник», опубликованной в «Журнале Министерства народного просвещения» за 1903–1904 г. и отдельным изданием, А. В. Карташев излагает на с. 75–92 своего обобщающего труда. При этом историк прямо не называет Киев местом первого крещения восточных славян, но активно поддерживает и развивает идеи В. И. Ламанского. В соответствии с заложенной последней традицией А. В. Карташев находит еще один «серьезный» исторический источник, якобы подтверждающий отстаиваемый им тезис, — Софийскую кормчую XIII в., в которой написано, что Святое Крещение было воспринято предками Владимира от патр. Фотия [Карташев, 1993, 92]. Источник этот применительно к теме истоков христианства на Руси не является ранним, поскольку появился через четыре века после начала этого процесса, к тому же фраза, в которой упоминается патр. Фотий, представляет собой похвалу крестителю Руси, что снижает ее доказательную силу, хотя автор этой фразы явно был знаком с Окружным посланием патр. Фотия 867 г.

Задачей настоящего исследования не является развенчание историографических мифов, которые возникли вокруг первого крещения части восточных славян в 860-е гг. Это уже делалось неоднократно, наиболее полно в монографии О. М. Рапова [Рапов, 1988, 77–90], который также аргументированно оценил и отверг все доводы своих предшественников, пытавшихся доказать прямое или косвенное участие «солунских братьев» в первом крещении Руси [Рапов, 1988, 102–116]. В этой монографии не учтены аргументы в поддержку концепции В. И. Ламанского, высказанные прот. Л. Лебедевым, поскольку научно-популярная книга прот. Л. Лебедева вышла в свет несколькими месяцами ранее монографии О. М. Рапова и не могла быть известна последнему. Протоиерей Л. Лебедев (1935–1998) закончил исторический факультет МГУ, но в своей книге «Крещение Руси», вышедшей в 1987 г., пренебрег источниковедческим анализом привлекаемых им в защиту концепции В. И. Ламанского сведений, проявив свою глубокую веру в исключительную роль «солунских братьев» в приобщении руси к Христовой вере, но в научном отношении добавив к аргументам В. И. Ламанского не менее спорные доказательства и столь же умозрительные заключения. Мне хотелось бы прежде всего проанализировать международную обстановку в регионе Северного Причерноморья в эпоху, когда русь впервые осмелилась прийти под стены Константинополя, одним из последствий чего стало приобщение ее части к Христовой вере. Действительно ли это произошло во время хазарской миссии «солунских братьев» 860–861 гг., или, как явствует из моей интерпретации сведений хроники Михаила Апостолиса, лишь св. Мефодий уже после смерти св. Кирилла крестил предков современных русинов?

К сожалению, патр. Фотий не сообщает никаких подробностей относительно того, где и каким образом были крещены первые группы «росов», ограничиваясь высказыванием о тех, кто нападал на Константинополь в 860 г.: «ныне и они переменяли языческую и безбожную веру, в которой пребывали прежде, на чистую и неподдельную религию христиан...» [Кузенков, 2003, 75]. Цитируемое «Окружное послание» патр. Фотия к восточным архиерейским престолом было написано в конце 866 или в начале 867 г. Поскольку окончательное крещение Руси в государственном масштабе произошло в 988/9 г., заявление патр. Фотия о приобщении всего «народа рос»

к Христовой вере в его время не находит подтверждений в других источниках и представляется сильным преувеличением. Скорее всего, патриарху доложили о принятии христианства одной из небольших этнических групп «росов», что было воспринято патр. Фотием как многообещающее начало позитивного процесса, на основании чего он выдал желаемое за действительное.

Впрочем, для сторонников «русской» миссии свв. Константина-Кирилла и Мефодия, якобы «замаскированной под хазарскую», «Окружное послание» патр. Фотия не является источником первостепенной важности, поскольку для них существует хронологическое «прокрустово ложе»: первое крещение Руси должно было произойти в 861 или 862 г., ибо в 863 г. славянские первоучители начинают уже действовать на территории Великоморавского княжества. Но это как раз и не соотносится со свидетельствами источников, созданных современниками рассматриваемых событий. Разумеется, версию о том, что в некоторых сочинениях различных эпох под Хазарией следует понимать Русский каганат, следует сразу же отвести как чисто умозрительную. К настоящему времени собраны и проанализированы все сведения письменных источников, связанные с нашествием руси на «Царьград» 860 г. и его последствиями, важнейшим из которых, как считает значительная часть исследователей, является крещение части восточного славянства. При этом выявляются следующие проблемы, имеющие прямое и косвенное отношение к теме настоящего исследования.

Прежде всего, непонятно, какая именно русь осадила в 860 г. Константинополь, а ведь именно она, если верить патр. Фотию, приняла христианство перед написанием им «Окружного послания». Автоматическое отождествление ее с жителями Киева и области, центром которой якобы уже тогда он являлся, никак не подтверждается данными археологических исследований. Раскопки на территории древнего Киева показывают, что в указанное время города там еще не было, лишь отдельные маленькие поселения. Согласно данным дендрохронологии, деревья, из которых был построен древнейший киевский сруб, остатки которого обнаружили археологи, датируются 887 г. Этот сруб находился на Подоле, где проживало прежде всего ремесленное население. Что же касается верхнего города, будущего политического центра Руси, то «Первые слабые укрепления Старокиевского городища возникли не ранее рубежа IX–X вв.» [Комар, 2012, 314, 319]. Вряд ли можно сомневаться в том, что какое-то русское раннегосударственное образование, лидер которого называл себя «каганом», было исторической реальностью, однако считать, что его политический центр мог находиться только в Киеве, совершенно безосновательно.

Исследователями давно выдвигались альтернативные версии относительно локализации области, из которой пришли «северные варвары» под стены Константинополя в 860 г. Наиболее известной среди них была азово-черноморская теория, согласно которой одним из политических центров русов в рассматриваемое время был Таманский полуостров (Д. И. Иловайский) или одна из областей Северного Причерноморья [Кузенков, 2003, 82]. Высказывалось даже мнение о том, что набег на Константинополь в 860 г. совершили предки современных подкарпатских русинов [Пап, 2001, 133–141], что трудно представить себе даже чисто умозрительно, поскольку сразу же возникает ряд закономерных вопросов: как столь малочисленное население смогло изготовить 200 кораблей и полностью снарядить их вместе с экипажем (примерно 8 тыс. воинов) для дерзкой морской экспедиции? как они, следуя из бассейна Верхней Тисы, смогли сохранить в тайне от Византии свое предприятие? и т.п. Напавшие на Константинополь в 860 г. росы обошли по морю земли Первого Болгарского государства, которые никак нельзя было миновать при переходе из Подкарпатской Руси в Византию, со всеми вытекающими отсюда последствиями: болгары, скорее всего, присоединились бы к этой операции, придя к «Царьграду» по суше, либо, не желая обострять отношения с «империей ромеев», не пропустили бы русинов в Черное море.

Трудноразрешимой проблемой является датировка первого крещения восточных славян также и потому, что в источниках не прослеживаются бесспорные причинно-следственные связи этой акции с набегом руси на «Царьград» 860 г., поэтому ее

сложно связать с миссией Константина Философа и Мефодия в Хазарию 861 г. В дошедших до нас средневековых текстах, содержащих достоверные сведения о событиях 860 г., нигде не сообщается о последовавшем вслед за этим крещении «росов», а там, где речь идет о приобщении части восточных славян к Христовой вере, непонятно, какой поход на Константинополь имеется в виду. Упрощенная трактовка рассматриваемых событий — так, что после возвращения из похода на «Царьград» 860 г. правящая верхушка того территориально-политического объединения, которое его организовало, сразу же приняла решение о крещении (а только так можно связать практическое воплощение этого решения с путешествием в Хазарию «солунских братьев»), — представляется не имеющей никаких твердых оснований. Целый ряд известных различных источников указывает на то, что христианизация восточного славянства началась несколькими годами позже возвращения славянских первоучителей из Хазарии, когда они уже активно действовали в Великоморавском княжестве, а значит, никак не могли быть организаторами этого процесса на Руси.

Прежде всего, безжалостные «северные варвары» должны были испытать тяжелые бедствия, вызвавшие у них ощущение могущества христианского Бога на фоне полного бессилия их языческих божеств. Произошло ли это в 860 г.? Крайне маловероятно. Если исходить из сочинений константинопольского патриарха Фотия, непосредственного свидетеля осады «росами» византийской столицы, находившегося в ней в то время, то сквозь весь пафос его эмоционального красноречия красной нитью проходит крайнее сожаление по поводу бессилия «империи ромеев», предопределившего безнаказанность дерзких язычников. Некоторые исследователи [Мавродин, 1945, 215; Сахаров, 1980, 58–59] пытались обосновать тезис о заключении Византией договора «мира и любви» с русью, среди условий которого было принятие нападавшими христианства и оказание «росами» военной помощи империи путем совершения набега на мусульманских врагов Византии. Против этой версии категорически возражает М. В. Левченко, подчеркивающий, что патр. Фотий в своих гом依лиях, произнесенных во время осады и после ухода «росов», не делает даже намека на то, что с «северными варварами» велись какие-либо переговоры [Левченко, 1956, 74–75]. Внезапность ухода «росов», судя по всему, объясняется дошедшими до них известиями о возвращении императорского войска от Черной речки к столице, поскольку противостоять регулярной византийской армии они были не в состоянии.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: как относиться к сведениям тех источников, которые повествуют о проникновении василевса Михаила III в свою столицу и его участии в молебнах патриарха об освобождении Константинополя от осады? Все они содержат в себе ярко выраженный религиозный мотив — прославление чуда ризы иконы Св. Богородицы Влахернской, которая, по одной версии, будучи обнесенной вдоль городских стен внутри столицы, способствовала уходу «росов», а по другой версии, край ее был опущен в морскую воду, что вызвало бурю, разметавшую суда возвращавшихся на родину «северных варваров». Все варианты этих двух версий (вторая из них была заимствована из хроники, принадлежащей к семейству Симеона Логофета, русскими летописцами [Кузенков, 2003, 160]) представляются сочиненными византийскими книжниками с чисто дидактическими целями. Трудно представить себе, чтобы император Михаил III (842–867), которому подчинялись все военные силы Византии, бросив свою армию, пробрался в столицу ради того, чтобы, утирая слезы, участвовать в молебнах, организованных патр. Фотием. Согласно своему общественному положению, он обязан был избавить столицу от осады вооруженной рукой. Единственным объяснением этого нонсенса может быть попытка византийских книжников подчеркнуть политическое ничтожество императора Михаила, его неспособность решать важнейшие государственные задачи — как еще один аргумент в пользу закономерности государственного переворота, совершенного в 867 г. последним фаворитом Михаила III, ставшим Василием I и основавшим новую, Македонскую, династию. Кстати, мотив чудесного избавления Константинополя от осады с помощью иконы Богородицы впервые

появляется в византийской хронистике в связи с осадой «Царьграда» аварами в 626 г. [Кулаковский, 1996, 82–83].

Если опираться на источники, лишенные приведенных выше фантастических элементов, вырисовывается следующая картина: «росы» осаждали в 860 г. Константинополь непродолжительное время, пока не узнали о приближении императора с войском, после чего с добычей, награбленной в пригородах византийской столицы, возвратились на родину. Отягощенные значительными богатствами язычники вряд ли могли изъявить желание признать христианского Бога, который в данном случае никак не помешал успеху дерзкого предприятия. В связи с этим миссия «солунских братьев» в Хазарию в 861 г. никак не могла быть связана с просьбой правящей верхушки части восточных славян и проживавших вместе с ними варягов о приобщении к Христовой вере. Наиболее вероятными целями путешествия свв. Константина Философа и Мефодия в Хазарию были стремление облегчить положение хазарских христиан, подвергавшихся гонениям после объявления иудаизма официальной религией Хазарии, а также урегулирование проблемы Готских климатов — степной части Крымского полуострова, перешедшей под власть Византии во время «гражданской войны», охватившей каганат в начале IX в., возможно, в связи с насильственным насаждением иудейской религии.

Информация ЖК категорически исключает миссионерскую деятельность «солунских братьев» среди восточных славян. Во время нахождения в Крыму (кон. 860 — нач. 861 г.) славянские первоучители пережили осаду Херсонеса хазарским полководцем (ЖК, гл. VIII), на основании чего можно сделать предположение о попытках хазар вернуть утерянные Готские климаты. Для этого у них были тогда самые благоприятные условия. В середине 850-х гг. к ним присоединились остатки венгерских племен, разгромленные пришедшей из-за Волги первой волной печенегов — кангарами, о чем свидетельствует Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей». Император Константин никак не датирует приход кангаров в Северное Причерноморье. Автор этих строк поддерживает гипотезу венгерского востоковеда К. Цегледи [Czeglédy, 1975, 52], согласно которой первый венгерско-печенежский конфликт произошел ок. 854 г.

В результате этого конфликта часть венгерских племен эмигрировала в Закавказье, а оставшиеся прибились к хазарам и в течение трех лет участвовали во всех войнах Хазарского каганата (Константин Багрянородный, 1991, 158/159). Сопоставление сведений названного трактата и гл. VIII ЖК, где венгры также упомянуты как дикие язычники, встретившиеся на пути свв. Константина Философа и Мефодия после снятия хазарами осады Херсонеса (Сказания, 1981, 78), позволяет достаточно точно датировать время удачи венгров во всех войнах хазар: 859–861 гг., поскольку в 862 г. мадьяры уже совершают первый поход в Центральную Европу. В связи с тем, что в 50-е годы IX в. нижнее течение Днепра стало границей между ареалами расселения кангаров и венгерских племен, трудно себе представить, чтобы едва избежавшие мученической гибели от язычников-венгров славянские первоучители отправились бы вверх по течению Днепра ради крещения днепровских «росов». ЖК свидетельствует о том, что следующий отрезок пути «солунских братьев» из Крыма в Хазарию был водным — через Азовское море (Меотское озеро), Северный Кавказ и Каспийское побережье к низовьям Волги. Об обратном их пути почти ничего не известно, лишь то, что он был сухопутным и пролегал по безводным степям, пока славянские первоучители не вернулись в крымские владения Византии (ЖК, гл. XII). Никаких намеков на то, что при этом была крещена какая-то часть восточного славянства, в тексте ЖК нет.

Исследователи, считающие, что набег 860 г. руси на Царьград закончился бедствиями для нападавших, могут опереться на сведения т. н. Брюссельской хроники — компиляции, в которую входит хроника Константина Манассии (XII в.), а также краткая хроника, составленная, скорее всего, в XI в. неизвестным клириком Студийского монастыря в Константинополе. Кодекс был переписан в византийской столице между 1280

и 1300 гг. [Кузенков, 2003, 155]. Брюссельская хроника (названная так по месту своего хранения) является единственным памятником, содержащим точную дату прихода руси под стены Константинополя — 18 июня 860 г. (при переводе на современное летоисчисление). Здесь также можно прочитать после указания индикта, год от сотворения мира и года самостоятельного правления Михаила III: «пришли росы с двумястами кораблями, которые ходатайствами Всехвальной Богородицы были христианами покорены, сокрушительно побеждены и истреблены» [Кузенков, 2003, 156]. Точность датировки начала осады русами византийской столицы отнюдь не дает исследователям оснований для полного доверия ко всей приведенной информации Брюссельской хроники. Здесь явно собраны сведения двух разных источников. В одном из них содержалась точная дата нашествия «росов», а другой мог быть любым памятником из тех, что продолжали традицию, заложенную Продолжателем Феофана.

Сама же «Хронография» Продолжателя Феофана, написанная в X в. и официально называемая «Жизнеописание византийских царей», даты нашествия руси при Михаиле III не содержит, но в описании правления этого императора можно прочитать об осадивших столицу Византии во время отсутствия в ней василевса варварах, что «они, приняв тогда на себя гнев Божий — ибо умилиствовал Божество Фотий, стоявший у кормила церкви, — отправились восвояси; немного же спустя в царственный град прибыло посольство, умолявшее сделать их сопричастными Божественному крещению, что и случилось» [Кузенков, 2003, 124]. Автор этого рассказа явно хотел показать причинно-следственную связь между некими ритуальными действиями патр. Фотия и первым крещением «росов», но, к сожалению, этого не подтверждает сам патриарх, свидетельствуя о возникновении первого очага христианства у восточных славян лишь во время написания им «Окружного послания» (кон. 866 — нач. 867 г.), на что обращено специальное внимание ниже. В результате получается искусственное наделение причинно-следственной связью событий, из которых второе произошло пять-шестью годами позже первого, что выглядит неправдоподобным.

«Жизнеописания византийских царей» Продолжателя Феофана являются трудом не одного, а нескольких (трех или четырех) авторов. Оно было составлено по указанию императора Константина VII Багрянородного, единолично правившего с 945 по 959 г., а сам он написал книгу V этого произведения, посвященную правлению его деда Василия I Македонянина (867–886). Вследствие этого получилось, что в одном и том же сочинении присутствуют две различные версии одного и того же события. Выше процитирована фраза из жизнеописания Михаила III, где первое крещение руси связано с правлением этого императора и деятельностью патр. Фотия. Константин Багрянородный фактически оспорил эту версию, приписав появление первого очага христианизации «северных варваров» деятельности Василия I и патр. Игнатия (вторично 867–877). Как известно, основатель Македонской династии, придя к власти, лишил патриаршей кафедры Фотия, вернув на нее удобного Риму патр. Игнатия. Поскольку до свержения с престола и убийства Василием Македонянином Михаила III они были с мая 866 г. по сентябрь 867 г. соправителями, у некоторых исследователей возникал соблазн трактовать сведения Константина Багрянородного как свидетельство о том, что первое крещение руси произошло в данном временном промежутке⁵. Это вполне соответствует информации «Окружного послания» патр. Фотия, но в таком случае просвещенный василевс, скорее всего, сознательно заменил патр. Фотия на патр. Игнатия, учитывая неприязнь своего деда к первому из названных патриархов во время прихода Василия I к власти. Зачем это понадобилось Константину VII через восемь десятков лет после рассматриваемых событий, понять трудно, тем более что патр. Фотий сумел наладить отношения с Василием I и вернуть себе патриаршество после смерти патр. Игнатия в 877 г. Тот же Константин Багрянородный впервые включил в описание первого крещения «росов» рассказ о чуде с брошенным в огонь Евангелием, которое осталось неповрежденным, что подвигло «варваров» на приобщение

⁵ Библиографию см. в: [Кузенков, 2003, 128, прим. 3].

к Христовой вере [Кузенков, 2003, 125–129]. Разумеется, достоверность этого рассказа весьма сомнительна.

Как известно, достоверность информации позднего источника проверяется ее соответствием свидетельствам современников описываемых событий. В связи с этим исследователи вынуждены соотносить все сведения поздних памятников с текстами, написанными патр. Фотием, — в данном случае единственным свидетелем осады Константинополя «росами» и появления первого очага христианства у этих «северных варваров». Патриарх Фотий не подтверждает информацию ни Брюссельской хроники («заступничество Богородицы») выразилось лишь в том, что «росы» сняли осаду византийской столицы, скорее всего, после получения известия о приближении василевса с войском), ни Продолжателя Феофана и его последователей (посольство «росов» прибыло в Константинополь с просьбой о крещении их не вскоре после возвращения «варваров» на родину, а лишь пять-шесть лет спустя).

Есть еще один источник, который, с одной стороны, подтверждает успешность набега «росов» на Константинополь при Михаиле III, а с другой стороны, не во всем совпадает с версией современных византийских письменных памятников и намекает на другую датировку этого события. Речь идет о «Хрониконе венетов» Иоанна Диакона — капеллана венецианского дожа Пьетро Орсеоло II (991–1008). Здесь между сообщениями, датируемыми исследователями 860 и 863 гг., приведен краткий рассказ об успешном набеге «норманов» на византийскую столицу. При этом подчеркивается, что напавшие на Константинополь не ставили своей целью его захват, а разорили предместья неприступного города и «с триумфом вернулись восвояси» [Кузенков, 2003, 150–151]. Согласно внутренней хронологии венецианского хроникона, описываемый им набег нормано-русов мог произойти в 863 г. А. В. Назаренко датирует рассматриваемый поход 860/3 г. (Древняя Русь, IV, 53–54, прим. 6), П. В. Кузенков склоняется к мнению о том, что здесь описаны события 860 г. [Кузенков, 2003, 150], а А. А. Васильев вообще не связывает эти события с русами, поскольку итальянский гуманист XV в. Флавио Биондо писал об уходе упоминаемых Иоанном Диаконом норманнов из Константинополя в «Британское море», что вряд ли является плодом его фантазии [Vasiliev, 1946, 31].

Ввиду того, что сведения венецианского хрониста не совпадают в подробностях с известиями о походе 860 г. в других источниках и не находят нигде подтверждений, если датировать его 863 г., автор этих строк считает гипотезу А. А. Васильева достаточно обоснованной. Число кораблей нападавших в этом источнике составляет 320, в то время как у византийских авторов оно равно 200. Это дает основания для предположения о том, что удачных набегов руси на Константинополь было два — в 860 и 862/863 гг., но большинство исследователей считает, что, скорее всего, здесь имеется в виду один поход 860 г. С точки зрения темы настоящей работы обе указанные даты, но прежде всего оценка набега как триумфального для руси, не укладываются в концепцию об участии «солунских братьев» в приобщении части восточных славян к Христовой вере во время их поездки в Хазарию.

Судя по ЖК, св. Константин Философ после возвращения из Хазарии через Крым жил в одном из монастырей близ Константинополя, откуда вместе с братом св. Мефодием был послан в 863 г. императором Михаилом III в Моравию по просьбе местного великого князя Ростислава (846–870). Начало миссионерской деятельности «солунских братьев» в Моравии, как оказалось впоследствии, стало началом широкого «наступления» Константинопольской патриархии в северном направлении. Этому в незначительной степени способствовали природные факторы. О. М. Рапов обратил внимание на то, что легкость, с которой была проведена оккупация византийской армией Болгарии в 864 или 865 г., можно объяснить природными факторами: как раз в эти годы в Восточной Европе отмечается, на основании данных дендрохронологии, наибольшая степень угнетения годичных колец [Рапов, 1988, 84]. Утверждение христианства в Болгарии и его распространение в Великоморавском княжестве, с географической точки зрения, означало то, что ареал расселения предков подкарпатских русинов оказался между двумя названными государствами, где полным ходом шел процесс

христианизации. При этом язык южных славян в то время отличался от языка славян восточных как два диалекта некогда единого общего языка.

В связи с представленными данными дендрохронологии обращает на себя внимание информация Никоновской летописи под 6375 г., где также содержится свидетельство о «гладе велием». Этому известию предшествует фраза о «плаче велием» в Киеве в связи с возвращением Аскольда и Дира из Царьграда «в малѣ дружинѣ» (Ник., 9). При этом «плачь велий» здесь явно находится в причинно-следственной связи с предшествующей фразой о неудачном набеге флота Аскольда и Дира на Константинополь. Можно, конечно, предположить, что в данном случае имеется в виду возможный второй морской поход руси 862/3 г., о котором пишет «Хроникон венетов». Он мог проходить успешно во владениях Византии, но закончиться жестоким штормом, настигшим триумфаторов в северо-западной части Черного моря, на подходе к устью Днепра, о чем не знал венецианский хронист. Однако этому мешает летописная датировка: 6375 г. константинопольской эры соответствует 866/7 г., что на три-четыре года позже, чем крайняя допустимая датировка венецианского источника. Как известно, хронология Никоновской летописи представляет собой особую источниковедческую проблему, поскольку в целом ряде случаев она при описании одних и тех же событий не совпадает с датами ПВЛ и других летописных памятников, обычно на один год. В рассматриваемом же случае фигурируют уникальные известия Никоновской летописи, которые отсутствуют в ПВЛ и, возможно, являются заимствованиями из не дошедшего до нас раннего источника, а с гиперкритической точки зрения — выдуманы московскими книжниками XVI в.

Если оперировать только надежными данными, взятыми из достоверных источников, то главной трудностью для определения даты возникновения первого очага христианства у восточных славян является слишком большой промежуток времени между первым набегом руси на Константинополь (860) и свидетельством патр. Фотия о принятии «росами» Христовой веры (866). Последняя датировка подтверждается посланием Римского папы Николая I василевсу Михаилу III, датированным сентябрем 865 г. В нем, в ответ на угрозы императора прийти войной в Италию, вызванные осуждением Папой низложения константинопольского патриарха Игнатия в октябре 858 г., Николай I обвиняет Михаила III а в том, что тот не в состоянии наказать тех, кто разоряет Крит, Сицилию и другие византийские владения, а также окрестности Константинополя [Кузенков, 2003, 87–89]. П. В. Кузенков считает, что Папа Николай I имеет в виду в своем послании набеги, совершавшиеся врагами Византии на ее владения в 820–860-х гг. [Кузенков, 2003, 89, прим. 2], но в исследовании А. А. Васильева, специально занимавшегося данным аспектом внешнеполитической истории Византии IX в., это относится только к Криту, поскольку нападения на византийские владения в Сицилии продолжались почти ежегодно в 860-е гг. [Васильев, 1900, Прил., 161–162]. В последнем известии угадывается намек на деятельность «росов», поскольку арабы в то время не предпринимали столь дерзких нападений, ограничиваясь опустошением провинций «империи ромеев». Из этого можно сделать однозначный вывод о том, что в сентябре 865 г. в Риме еще не было известно о приобщении части восточного славянства к Христовой вере.

Версия о том, что первый очаг христианизации русов возник позже 865 г., подтверждается структурой расположения материала в «Окружном послании» патр. Фотия. Судя по всему, в момент начала работы над его текстом патр. Фотий не имел сведений о крещении части «северных варваров», напавших на Константинополь в 860 г., поскольку при описании своих заслуг — с целью произвести впечатление на других православных патриархов — патр. Фотий основное внимание уделяет крещению Болгарии. Сведения о вхождении «народа Рос» в ряд «подданных и гостеприимцев» византийского императора в связи с принятием христианства [Кузенков, 2003, 76]⁶ находятся в заключительной части послания патриарха и выглядят

⁶ О датировке см.: [Кузенков, 2003, 69].

как неожиданно появившийся новый предмет для гордости патр. Фотия перед своими коллегами [Кузенков, 2003, 70]. Если учесть, что крещение Болгарии, по мнению исследователей, произошло в 864 или 865 г., то наиболее вероятным временем принятия христианства первой общностью «росов» опять-таки будет 866 г.

В связи с этим, во-первых, полностью исключается участие свв. Кирилла Филозофа и Мефодия в этом процессе, а во-вторых, выглядит вполне правдоподобной летописная датировка похода на «Царьград», руководство которым приписывается полулегендарным киевским князьям Аскольду и Диру, — 6374 (866) г. При этом летописи как будто повествуют совсем о другом походе на «Царьград», чем тот, что имел место в 860 г. и был, по свидетельству ряда западноевропейских источников и патр. Фотия, удачным для «росов». Обращает на себя внимание тот факт, что ни в одной из летописей нет сведений о принятии христианства частью восточных славян после датируемого русскими книжниками 6374 (866) г. похода, результат которого оказался, в конечном счете, плачевным. Даже Никоновская летопись, более подробно, чем ПВЛ, повествующая о крещении Болгарии и сообщающая под 6375 (867) г. о том, что «Възвратишася Аскольдъ и Диръ отъ Царьграда въ малѣ дружинѣ, и бысть в Кіевѣ плачь велій» (Ник., 9), ничего не говорит о последовавшем вслед за этим крещением руси. Возможные причинно-следственные связи здесь можно установить лишь при сопоставлении летописного рассказа с «Окружным посланием» патр. Фотия. Только в таком случае получается, что бедствия, которые пришлось пережить напавшим на византийскую столицу «росам», побудили их правящую верхушку обратиться за миссионерской помощью к Константинопольской патриархии, т. е. совершить первую попытку «выбора веры».

При этом необходимо учитывать то обстоятельство, что уникальные известия Никоновской летописи считаются источниками плодом фантазии книжников первой трети XVI в. Хотя убедительных доказательств этого с объяснением причин внесения в названный летописный свод всех «выдуманных» известий до сих пор не представлено, в историографии сложилась стойкая традиция избегать привлечения этого материала в качестве аргументов в серьезных научных исследованиях. В то же время многие из уникальных известий Никоновской летописи выглядят вполне правдоподобными и противоречат лишь установившейся историографической традиции, далеко не всегда опирающейся на бесспорные аргументы. Так, например, считается, что печенеги появились в Северном Причерноморье в конце 80-х годов IX в., о чем якобы свидетельствует немецкий хронист Регино Прюмский (†915), помещая под 889 г. известие о вытеснении венгров печенегами на территорию бывшей римской провинции Паннония, хотя сама эта дата, скорее всего, является ошибочной (Древняя Русь, IV, 45). Венгерские историки еще полвека назад приводили аргументы в пользу того, что первая волна печенегов (кангары) появилась в степях Северного Причерноморья в 850-х гг. [Юрасов, 2017б, 79–83]. В связи с этим другое сообщение Никоновской летописи о войне Аскольда и Диры с печенегами, помещенное под тем же 6375 (867) г. (Ник., 9), когда в Киеве был «плач велий», представляется вполне правдоподобным.

Казалось бы, рассматриваемый источник XVI в., в отличие от ПВЛ, показывает причинно-следственную связь между событиями, которые могли способствовать появлению первого очага христианизации у восточных славян — при сопоставлении их с «Окружным посланием» патр. Фотия. Однако даже то, что патриарх составил это послание в том же году, которым летописцы датируют поход Аскольда и Диры на Царьград, не дает никаких твердых оснований для признания такой причинно-следственной связи. Прежде всего, ее не усматривали ни древнерусские книжники, ни авторы более поздних исторических сочинений, для которых время правления первых русских князей было эпохой сохранения традиционного язычества, когда не предпринималось никаких попыток приобщения к одной из мировых религий. Как известно, первое свидетельство о появлении христиан среди русской знати содержится в ПВЛ под 6453 (945) г. в описании клятвы, скреплявшей договор киевского князя Игоря «Старого» с греками (Лавр., стб. 54; Ипат., стб. 42).

Интересно, что признание летописцами похода Аскольда и Дира неудачным присутствует уже в ПВЛ, авторы-редакторы которой впервые в русском летописании использовали в качестве источника русский перевод хроники Продолжателя Георгия Амартола. При этом в оригинальном тексте этого сочинения, называемого также хроникой Симеона Логофета, нет упоминаний Аскольда и Дира, ставших предводителями русского флота волей неизвестного переводчика, включившего этот рассказ в ПВЛ. Версия Логофета, привнесшего в свое повествование чисто дидактический мотив о чудесном спасении Константинополя благодаря заступничеству Богородицы, край ризы Которой был опущен в воды Константинопольского залива, что вызвало бурю, от которой пострадал русский флот, стала весьма популярной в русском летописании. Она встречается не только в летописных сводах XII–XVII вв., но и в первых русских хронографах — 1512 г., где не упоминаются Аскольд и Дир, и Хронографа западно-русской редакции, датируемого 1550-ми гг., рассказ которого согласуется с поздним русским летописанием (Русский хронограф, 2005, I, 348; II, 150).

Если обратимся к хронике Симеона Логофета, оригинальный текст которой не содержит датировки рассматриваемого рассказа, то, согласно внутренней хронологии этого произведения, нашествие «росов» произошло между 858 и 864 гг., которыми исследователи датируют смежные с повествованием о нападении руси рассказы названной хроники [Кузенков, 2003, 119, комм. 3; 121, комм. 13]. В этот временной интервал попадает 860 г., но никак не 866 г., закрепившийся в русских летописях. В то же время само рассматриваемое описание не соответствует характеру похода 860 г., который явно был успешным для русов, о чем уже говорилось выше. Поскольку «Окружное послание» патр. Фотия является документом, созданным в конкретном году, а не повествованием книжника, пишущего о событиях ушедшей эпохи, а хроника Симеона Логофета датируется серединой X в. [Кузенков, 2003, 107], его следует признать более достоверным источником по сравнению с получившей широкое распространение в древнерусских и более поздних русскоязычных исторических сочинениях версии хроники Симеона Логофета. Свидетельства о «спасительной буре», разметавшей корабли «росов» угадываются также в «Хронографии» Продолжателя Феофана и Брюссельской хронике, где так же, как и в других источниках, отсутствуют сведения о морской битве византийцев с «росами», но подчеркивается Божественная помощь, оказанная «ромеям» против этих северных варваров [Кузенков, 2003, 120–121, прим. 12]⁷.

Невозможность доказать причинно-следственную связь между двумя несомненными фактами — походом руси на Константинополь 860 г. и первой попыткой ее крещения в 866 г. — приводит к мысли о том, что морских набегов «росов» на Византию при Михаиле III было как минимум два. В таком случае незадолго до написания «Окружного послания» патр. Фотия состоялся неудачный набег, руководство которого летописцы приписывают Аскольду и Диру. В связи с этим летописную информацию о том, как эти князья «пошли на греков» и их поход оказался неудачным, никак нельзя датировать 860 г. Все это заставляет более серьезно отнестись к уникальной информации Никоновской летописи, которая, по мнению Б. А. Рыбакова, использовала текст не дошедшего до нас древнего источника, названного Б. А. Рыбаковым «летописью Осколда» [Рыбаков, 1963, 173]. Правда, при этом возникает закономерный вопрос: почему, написав о «великом голоде» в Киеве после неудачного набега его князей на «Царьград», древнейший летописец ничего не сказал о первом крещении руси в 866 г.? Кстати, в Никоновской летописи содержится четыре рассказа о походах руси на Царьград, руководство которым приписывается Аскольду и Диру: 1) в недатированной части, между рубриками, посвященными крещению болгарского князя

⁷ См. также приведенные в этой же работе отрывки из «Хронографии» Продолжателя Феофана [Кузенков, 2003, 123–124], сочинений Иоанна Скилицы [Кузенков, 2003, 131–132], Иоанна Зонары [Кузенков, 2003, 135], где упоминается «гнев Божий», а также Брюссельской хроники (с. 156), в которой отмечены «ходатайства Всехвальной Богородицы». Версии всех таких памятников, как указано выше, также не подтверждаются патр. Фотием.

Бориса в Константинополе и убийством кесаря Варды по приказу василевса Михаила III (Ник., 7)⁸; 2) в той же недатированной части, в рубрике «О пришествии агарян на Царьград» — краткое упоминание о том, что Аскольд и Дир воспользовались этим обстоятельством (Ник., 8); 3) под 6374 г., где фактически продублирован первый рассказ (Ник., 9); 4) в рубрике «О князе Рустем Осколде» (Ник., 13), где передан отрывок из сокращенной переработки хроники Иоанна Зонары («Паралипомена»), основывавшегося на биографии Василия I Македонянина, написанной Константином VII Багрянородным [Творогов, 1992, 57].

Приведение в одном летописном памятнике двух одинаковых рассказов свидетельствует об использовании двух разных источников, в одном из которых рассказ не был приурочен к конкретному году, а в другом был датирован. Помещение похода Аскольда и Диры в не датируемом источнике среди событий, состоявшихся в 865 г., позволяет предположить, что эта неудачная военная акция состоялась именно тогда, а в следующем году в Константинополь прибыло посольство «росов» с просьбой о присылке христианских миссионеров. Согласно господствовавшей в «империи ромеев» эре, 6374 г. от сотворения мира начался 1 сентября 865 г. и закончился 31 августа 866 г., что также примерно соответствует свидетельству «Окружного послания» патр. Фотия о приобщении «росов» к Христовой вере, хотя о втором походе руси патриарх не упоминает. Источником третьего из указанных рассказов, скорее всего, была ПВЛ, в которой единственный набег Аскольда и Диры на Константинополь помещен под тем же годом. Как убедительно показал О. В. Творогов, все упоминания о походах Аскольда и Диры на Царьград в Никоновской летописи относятся к одному походу 860 г. Относительно четвертого упоминания об этом О. В. Творогов пишет: «никакой связи между поражением русичей в походе 860 г. и их крещением при Василии Македоняnine и Игнатии не существовало» [Творогов, 1992, 59]. С этим утверждением можно согласиться, кроме тезиса о поражении «русичей», что не подтверждается современными той эпохе источниками.

В свое время Б. А. Рыбаков пытался обосновать концепцию, согласно которой «летопись Осколда», якобы включенная в Никоновскую летопись, датирована не по византийскому стилю, а по александрийской эре, при переводе которой на современное летосчисление необходимо отнимать от года от сотворения мира не 5508, а 5500 лет. Поддержавший эту гипотезу О. М. Рапов в своей монографии о начале христианства на Руси, содержащей специальную главу о «втором крещении Руси», датирует это событие (опираясь на гипотезы своих предшественников Ф. Дёльгера, М. Таубе и Б. А. Рыбакова) временем между 874 и 877 гг. [Рапов, 1988, 100–101]. Помимо признания дат уникальных известий Никоновской летописи как переданных по антихристианскому летосчислению, гипотеза О. М. Рапова опирается также на свидетельство Константина Багрянородного о том, что крещение «росов» произошло во время уже самостоятельного правления его деда Василия I Македонянина (867–886), а не тогда, когда он был соправителем Михаила III (866–867), причем патриархом тогда был уже не Фотий, а вернувшийся на кафедру Игнатий (867–877). Речь в данном случае идет о главе сочинения Продолжателя Феофана («Жизнеописания византийских царей»), посвященной основателю Македонской династии, автором которой был Константин VII Багрянородный (913–959) [Кузенков, 2003, 125–129].

Отсутствие датировок в рассматриваемом сочинении и нарушение хронологической последовательности в изложении событий делает невозможным найти опору во внутренней хронологии биографии Василия Македонянина. Перед рассказом о заключении мирного соглашения Византии с «росами», за которым последовало крещение последних, повествуется о посылке архиепископа в Болгарию, датируемое исследователями 870 г., а перед ним — о насильственном крещении евреев в Византийской империи (874). Концепция о второй попытке приобщения руси к Христовой

⁸ Борис был крещен в начале сентября 865 г. [Златарски, 1929, 29; Рансимен 2009, 326, прим. 10]. Кесарь Варда был убит 21 апреля 865 г. [История Византии, 1967, II, 174].

вере в 70-е гг. IX в. не пользуется поддержкой византинистов. По мнению М. В. Бибикова, описываемое в сочинении Константина VII принятие «росами» христианства примерно датируется 867 г. (Древняя Русь, II, 178, прим. 4), а П. В. Кузенков упрекает Ф. Дёльгера и поддержавшего его Д. Оболенского в отсутствии серьезной аргументации для подтверждения датировки рассматриваемого события 874 г. [Кузенков, 2003, 128, прим. 3]. В связи с этим попытки Б. А. Рыбакова и О. М. Рапова доказать реальность второго крещения Руси в 874 г. нельзя признать серьезными, поскольку они опираются на признание научного авторитета Ф. Дёльгера и Б. А. Рыбакова, а не на новые весомые аргументы в поддержку этой точки зрения.

К сожалению, проблему локализации места проживания первых христиан-«росов» на основании дошедших до нас данных источников вряд ли удастся когда-нибудь решить, тем более что, как указывалось выше, никто из ранних русских книжников не назвал Аскольда и Дира христианскими князьями. Все позднейшие псевдоученые спекуляции вокруг «Аскольдовой могилы», где позднее был построен храм — якобы в память о мученической смерти названных князей за Христову веру, не имеют под собой никаких серьезных оснований. Единственным и весьма туманным ориентиром здесь является выражение патр. Фотия в его «Окружном послании» о том, что «росы» поработили жившие «окрест них» народности, что вызвало у них чрезмерную гордыню [Кузенков, 2003, 73/75]. Вряд ли патриарх здесь имел в виду глубинные русские земли, находившиеся далеко от Северного Причерноморья, представлявшего собой в течение многих столетий степной «коридор», через который кочевники попадали из Заволжья в Юго-Восточную Европу и далее шли на запад или юг. Это было неопасно для «империи ромеев». Другое дело — Таврида и Нижнее Поднепровье, непосредственно соседившие с византийской фемой Херсонес.

Речь в данном случае, скорее всего, идет о южном объединении территориально-политических общностей, которое принято называть «Русской землей в узком значении». На основании исследований М. Н. Тихомирова, А. Н. Насонова, Б. А. Рыбакова, В. А. Кучкина и других специалистов по исторической географии Древней Руси было установлено, что древнейший южный очаг государственности у восточных славян охватывал часть территории Среднего Поднепровья, центрами которой были будущие Киев, Чернигов и Переяславль (Южный) [Тихомиров, 1947; Насонов, 1951, 28–46; Рыбаков, 1993, 58–59; Кучкин, 1995 и др.]. Как подчеркивал А. Н. Насонов, «Русская земля в узком значении» до прихода в Киев Олега (882) «не распространялась на Причерноморье, на Таврию» [Насонов, 1951, 44–45]. Это утверждение справедливо в целом для истории «Русского каганата», как часто называют рассматриваемое территориально-политическое объединение восточных славян и присоединившихся к ним варягов, но в исключительно благоприятной для них ситуации отсутствия в кочевом мире силы, жестко контролировавшей нижнее течение Днепра (50–60-е гг. IX в.)⁹, владения «Русского каганата» могли временно распространиться и на нижнее течение Днепра, что, скорее всего, имел в виду патр. Фотий в своем «Окружном послании» [Кузенков, 2003, 73/75].

Таким образом, наиболее вероятной, по моему мнению, представляется версия, согласно которой первое крещение руси произошло в 866 г. после неудачного похода на Константинополь, когда христианами стали восточные славяне и варяги, составлявшие население «Русского каганата». Скорее всего, к Христовой вере сознательно приобщилась правящая верхушка, в то время как основная масса «росов» сохранила верность «религии предков». Такой вывод можно сделать на основании того, что первый очаг христианства у восточных славян оказался недолговечным, «не дал побегов», не поколебал основ традиционного язычества. Если бы не «Окружное послание» патр. Фотия, мы так и не узнали бы о появлении этого очага, значение которого явно преувеличено патриархом, но не перестает от этого быть самым достоверным свидетельством, дающим точку отсчета для русского христианства.

⁹ См. об этом: [Юрасов, 2015].

В византийских источниках встречается еще одна дата крещения «росов» в эпоху правления Василия I Македонянина — 6390 г. от сотворения мира. Об этом свидетельствует достаточно поздний источник — рукопись 2-й пол. XV в., хранящаяся в Парижской национальной библиотеке (Cod. Paris. gr. 2303, fol. 5^v). По мнению издателя и исследователя этой рукописи П. Шрайнера, она, скорее всего, происходит из Венеции и бóльшая ее часть написана греческим ученым-гуманистом Михаилом Апостолисом (Schreiner, 1978, 300–301). В этом источнике под 6390 г. содержится запись о крещении «народа Рос» (γένος τῶν Ῥώσ). При этом Михаил Апостолис сохранил древнее ударение в этниконе «Рос» (острое или тупое, в зависимости от места в предложении), что убеждает исследователей в том, что византийским гуманистом был использован какой-то древний, не дошедший до нас письменный памятник.

Издавшего произведение Михаила Апостолиса П. Шрайнера удивила дата крещения росов, которая никак не согласуется с хронологией древнерусской истории. Поскольку, как доказал сам П. Шрайнер, рассматриваемое событие можно датировать только константинопольской эрой, а значит, временем между 1 сентября 881 г. — 31 августа 882 г., вновь возникает вопрос о том, какая территориально-этническая общность «народа Рос» могла принять Христову веру в указанное время, если ПВЛ под этим же 6390 г. свидетельствует о приходе в Киев «князя-жреца» Олега, убившего Аскольда и Дира и остававшегося до конца своих дней махровым язычником. Это обстоятельство заставило П. Шрайнера усомниться в точности приведенной Михаилом Апостолисом даты (Шрайнер, 1991, 155–156), но, как справедливо заметил П. В. Кузенков, издавший «русские отрывки» из хроники Михаила Апостолиса в своем своде свидетельств о походе русов на Константинополь 860 г. и первом крещении Руси, «хронология древнейшей части ПВЛ носит совершенно искусственный характер и не может в данном случае приниматься во внимание» [Кузенков, 2003, 158, прим. 2].

Исследователи обычно ограничиваются при освещении южнорусской истории 80-х гг. IX в. анализом сведений ПВЛ, где под 6390–6393 гг. описано постепенное подчинение пришедшим из Новгорода Олегом «славиний» древлян, северян и радимичей, а также констатацией факта появления примерно в это же время печенегов в степях Северного Причерноморья. Мне уже неоднократно приходилось писать о том, что общая ситуация в лесостепной зоне Восточноевропейской равнины была более сложной, чем ее рисуют русские летописцы и зарубежные современники рассматриваемых событий [Юрасов, 2015; Юрасов, 2017а; Юрасов, 2017б, 36]. В связи с этим при решении вопроса о том, какая этническая группа восточных славян приняла христианство в 881/882 г. (см. ниже) необходимо учитывать прежде всего расположение различных этнических общностей на землях степного «коридора», который соединял Приазовье с Нижним Подунавьем.

В отличие от 860-х гг., ситуация в этом регионе в 880-е гг. была намного менее благоприятной для распространения Христовой веры. С середины IX в., как указывалось выше, восточная половина «коридора» осваивалась первой волной печенегов, которых Константин Багрянородный называет «кангарами». Ареал их расселения ограничивался на западе Нижним Днепром, что позволяло русам совершать набеги на Византию. Постепенное ослабление Хазарии позволило не только Олегу отобрать у каганата бóльшую часть его славянских данников, но и заметно укрепиться печенегам за счет присоединения к ним оставшихся в Заволжье части их племен, которых Константин Багрянородный называет «пачинакитами». Усиление печенегов, которых теперь уже не мог сдерживать Днепр как предел для экспансии на запад, произошло не в 880-е гг., а к началу этого десятилетия.

Основанием для такого предположения служит небольшой рассказ Жития св. Мефодия, помещенный в гл. XVI этого агиографического сочинения. Здесь повествуется о том, как некий угорский (венгерский) король пригласил к себе старшего из «солунских братьев» и, несмотря на отсутствие у него желания стать христианином, принял славянского первоучителя «честно, и славно и с веселием. И побеседовал

с ним, как подобает таким мужам вести беседы, отпустил его, обласкав и поцеловав с дарами великими и сказал ему: „Всегда поминай меня, честный отче, в святых молитвах твоих“» (Сказания, 1981, 101). Исследователи датируют это событие 882 г. [Magyarország, 1986, 66]. Как видно из приведенной цитаты, неизвестный венгерский «король» еще не намеревался провести крещение своих «подданных», но явно стремился к тому, чтобы создать себе хорошую репутацию у своих западных соседей. В 881 г. венгры и кавары по приглашению моравского князя Сватоплука I воевали против франков.

С точки зрения динамики изменения ситуации в Северном Причерноморье это соответствует периоду пребывания венгерских и присоединившихся к ним каварских племен в легендарной стране Ателькузу, о чем пишет Константин Багрянородный в гл. 38 своего трактата «Об управлении империей». Наиболее вероятная датировка проживания венгров и каваров в Ателькузу — 60-е — сер. 90-х гг. IX в. Хотя император при описании пределов Ателькузу еще упоминает Днепр, вряд ли после прихода второй волны печенегов их кочевья простирались так далеко на восток. Основная их масса сосредоточилась в то время в междуручье Днестра и Прута, где они создали территориально-политическую общность с местными тиверцами и уличами [Рябцева, Рабинович, 2014]. Скорее всего, именно существование этой общности не позволило киевскому князю Олегу распространить свою власть в юго-западном направлении, о чем свидетельствует ПВЛ под 885 г. (Лавр., стб. 24; Ип., стб. 17). Несмотря на приблизительность этой даты, вряд ли можно сомневаться в том, что летописец верно отразил одно из направлений внешней политики Олега — стремление подчинить власти Киева все южнорусские этнические группы восточного славянства.

В связи с этим сообщение проживавшего в Италии византийского хрониста XV в. Михаила Апостолиса о крещении неких «росов» в 881/882 г. действительно ставит серьезную проблему их локализации. Если придерживаться господствующей в историографии точки зрения, согласно которой ранние росы/русы могли проживать только в Поднепровье или на более северных территориях, освоенных восточными славянами, то ситуация выглядит тупиковой, поскольку северная локализация места этого события представляется фантастической, а южная противоречит политической и международной обстановке, сложившейся в том регионе и вокруг него. «Вещий» киевский князь Олег никак не мог провести крещение подвластных ему восточных славян, тиверцы находились тогда в одном территориально-политическом объединении с язычниками-венграми, а уличи могли опереться на помощь печенегов¹⁰, что также исключает появление в ареале их проживания одного из очагов христианизации у восточных славян.

С точки зрения темы настоящей работы важно подчеркнуть, что в 881/882 г. земли формирующегося Древнерусского государства никак не могли стать той Русью, о которой пишет в своем сочинении Михаил Апостолис, если исходить из летописной интерпретации ранней истории восточного славянства. Если вслед за русскими книжниками послеордынской эпохи предположить, что первыми христианскими князьями на Руси были Аскольд и Дир, то их приобщение к Христовой вере связывается с 60-ми гг. IX в. и никак не позже. Если же исходить из искусственного характера летописной хронологии первых веков русской истории и признать фиксируемое в хронике Михаила Апостолиса крещение «росов» фактом из истории Днепровской Руси, то придется пойти на целый ряд допущений: Олег появился в Киеве несколькими годами позже 882 г.; Аскольд и Дир, если они были убиты Олегом из-за принятия христианства в 881/882 г., никак не могли креститься в 866 или 867 гг., а значит, древнерусские книжники приписали Аскольду и Диру руководство походом (или походами) на Константинополь, о котором (которых) пишут византийские авторы. Все это можно предположить, но при этом остается принципиальный вопрос: почему ранние

¹⁰ Именно этим можно объяснить неудачу Олега в войне с уличами и тиверцами, косвенное свидетельство о которой содержится в ПВЛ под 885 г.

русские летописцы ничего не говорят о том, что Аскольд и Дир были убиты язычником Олегом *из-за их христианства?*

Не отрицая факт принятия какой-то частью «росов» Христовой веры за год до смерти патр. Фотия с константинопольской кафедры, следует признать, что этот первый «росток» христианства на Руси оказался слабым и недолговечным, он не привел к появлению там церковной организации. Такое объяснение представляется более реальным, чем стремление некоторых сторонников удревнения начала христианской истории Руси обвинить создателей ПВЛ в «намеренном замалчивании» крещения Аскольда и Диры и их соратников ради возвеличивания деятельности в этом направлении Владимира Святославича [Лебедев, 1987, 74–75]. Политическая ситуация в Северном Причерноморье, непосредственно влиявшая на процесс складывания государства у восточных славян, не благоприятствовала в рассматриваемое время их христианизации, поскольку наличие большого количества кочевых племен (венгерских, каварских и печенежских) в этом регионе препятствовало поддержанию тесных связей Киева с Константинополем. Недаром (если опираться на летописную хронологию) Олег осмелился совершить поход на Византию только через четверть века после своего утверждения в Киеве. К тому времени венгры и кавары ушли на земли Карпатской котловины, а печенеги рассредоточились по всей степной зоне Северного Причерноморья, что неизбежно должно было снизить степень консолидации их межплеменного объединения, чем и воспользовался Олег.

Более благоприятная ситуация для распространения христианства складывалась в местах проживания самого западного анклава восточного славянства — будущей Подкарпатской Руси. Помещенное в ПВЛ сочинение, которое исследователи условно называют «Сказанием о преложении книг на славянский язык», свидетельствует о том, что младший из «солунских братьев» — св. Константин (Кирилл), занимался после возвращения из Моравии (где старший св. Мефодий стал епископом) миссионерской деятельностью среди болгар (Ип., стб. 19–20). Если учесть, что болгарский князь Борис (852–889) объявил христианство государственной религией Болгарии в 864 или 865 г., ранее ухода св. Кирилла Философа из Моравии, то свидетельство ПВЛ следует понимать как проповедь им новой веры на окраинах Первого Болгарского государства, прежде всего на севере этой страны, где происходили активные контакты между предками современных болгар и подкарпатских русинов. Есть подкрепленное ссылками на источники мнение, что этноним «русь» распространялся на все области проживания восточного славянства уже в IX в. [Soloviev, 1956, 149–150], что позволяет отнести информацию хроники Михаила Апостолиса под 6390 (881/882) г. к будущей Подкарпатской Руси. О том, что где-то на сопредельных с Чехией территориях в середине X в. существовало развитое богослужение на русском языке, свидетельствует приведенная в «Чешской хронике» Козьмы Пражского под 967 г. булла Папы Иоанна XIII об организации Пражского епископства (Cosmas Pragensis, 1923, 44). В то время Киевская Русь еще официально исповедовала язычество и не могла представлять никакой опасности для римской папской курии, что прослеживается в этой булле.

Заключение

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что ранняя история христианизации Руси не должна опираться на предания, дошедшие до нас в поздних письменных памятниках. Также бесперспективными являются попытки связать появление первого очага распространения христианства среди восточных славян и составивших с ними единую этническую общность варягов. Слишком большой временной интервал между первым походом руси на Константинополь (860) и свидетельством патр. Фотия о крещении части этой руси (866) делает невозможным обнаружить причинно-следственную связь между этими двумя событиями. После удачного для «росов» набега на «Царьград» 860 г., во время которого нападавшие молились своим языческим богам, у них не могло возникнуть желания принять Христову веру.

Для этого требовалось заметное ухудшение жизненных условий «северных варваров», возможно, ряд неурожайных лет и неудачный новый набег на Византию. Суровые погодные условия (судя по данным дендрохронологии) помогли менее пострадавшей от них Византии заставить присоединиться к христианскому миру Болгарию в 864 или 865 г. О голоде в Киеве примерно в то же время сообщает и Никоновская летопись. Если к этому прибавить возможный второй — неудачный — поход «росов» на византийскую столицу, то крещение части руси ок. 866 г. выглядит вполне естественным. Что же касается локализации области, где проживали восточные славяне и варяги, решившие последовать примеру болгар, то у нас нет абсолютно никаких ориентиров, на основании которых можно было бы сделать хотя бы самые осторожные предположения. Любые попытки связать этот акт «выбора веры» с Киевом являются чисто умозрительными, поскольку археологами до сих пор не обнаружены древности Киева, относящиеся к 860-м гг. Складывание *города* Киева, на основании данных раскопок, произошло на рубеже IX–X вв.

К тому же первый «росток» христианства у восточных славян, появившийся в 866 г., оказался слабым и нежизнеспособным и вскоре погиб, поэтому о нем не осталось конкретных сведений в исторических источниках. По моему глубокому убеждению, второй очаг христианства, возникший у предков современных подкарпатских русинов через 15 или 16 лет, на что может указывать свидетельство Михаила Апостолиса, оказался более устойчивым к жизни, хотя его окраинное положение, нахождение в «буферной зоне» между формировавшимися ранними государствами в Польше, Чехии, Болгарии и на Руси сделало его «маргинальным», что подтверждается отсутствием сведений о нем в источниках того времени. Тем не менее римская папская курия в середине X в. боялась распространения «русского обряда» христианского богослужения, сформировавшегося явно не на Днепровской Руси, продолжавшей в целом придерживаться «веры предков» вплоть до своего официального крещения, проведенного в 988 или 989 г. Владимиром Святославичем.

Источники и литература

Источники

1. Древняя Русь, II — Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. Т. II: Византийские источники / Сост. М. В. Бибииков. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010.
2. Древняя Русь, IV — Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. Т. IV: Западноевропейские источники / Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010.
3. Ип. — Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. 2-е изд. [репр.]. М.: Языки русской культуры, 1998.
4. Константин Багрянородный (1991) — *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Текст, пер., комм. / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. Изд. 2-е. М.: Наука, 1991.
5. Кузенков (2003) — *Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г. Проблемы источниковедения / Отв. ред. Л. В. Столярова. М.: Восточная литература, 2003.*
6. Лавр. — Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. 2-е изд. [репр.]. М.: Языки русской культуры, 1997.
7. Ник. — Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. IX [репр.]. М.: Языки русской культуры, 2000.

8. Русский хронограф (2005) — Русский хронограф // ПСРЛ. Т. XXII [репр.]. М.: Языки русской культуры, 2005. Ч. I–II.
9. Сказания (1981) — Сказания о начале славянской письменности / Отв. ред. В. Д. Королук; вступ. статья, пер. и комм. Б. Н. Флори. М.: Наука, 1981.
10. Шрайнер (1991) — *Шрайнер П. Miscellanea byzantino-russica* // Византийский временник. 1991. Т. 52. С. 151–160.
11. Cosmas Pragensis (1923) — Die Chronik von Böhmen des *Cosmas von Prag* / Hrsg. von D. Bretholz. Berlin, 1923 [Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Nova series. Т. II].
12. Schreiner (1978) — *Schreiner P. Ein wiederaufgefunderer Text der Narratio de Russorum conversione* und einige Bemerkungen zur Christianisierung der Russen in byzantinischen Quellen // *Byzantinobulgarica*. 1978. Т. 5. S. 297–304.

Литература

13. Васильев (1900) — *Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии*. СПб.: Тип. И. Н. Скотоводова, 1900.
14. Введение христианства (1987) — Введение христианства на Руси: Сб. статей / Отв. ред. А. Д. Сухов. М.: Мысль, 1987.
15. Голубинский (1907) — *Голубинский Е. Е. По поводу перестроя В. И. Ламанским истории и деятельности Константина Философа, первоучителя славянского* // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1907. Т. XII. Кн. 2.
16. Златарски (1929) — *Златарски В. Н. История на Българската държава през средните векове*. София: Наука и изкуство, 1929. Т. I. Ч. 2.
17. История Византии, II — История Византии. Т. 2 / Отв. ред. А. П. Каждан. М.: Наука, 1967.
18. Как была крещена (1989) — Как была крещена Русь? 2-е изд. М.: Политиздат, 1989.
19. Карташев (1993) — *Карташев А. В. История русской церкви*: в 2 т. М.: Терра, 1993. Т. 1.
20. Комар (2012) — *Комар А. В. Киев и Правобережное Поднепровье* // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012.
21. Кулаковский (1996) — *Кулаковский Ю. А. История Византии. Т. III: 602–717 годы*. СПб.: Алетейя, 1996.
22. Кучкин (1995) — *Кучкин В. А. «Русская земля» по летописным данным XI — первой трети XIII в.* // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 годы. М.: Наука, 1995. С. 74–100.
23. Ламанский (1903–1904) — *Ламанский В. И. Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник* // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Ч. CCCVI. № 4. Отд. 2. С. 345–385; Ч. CCCVII. № 5. С. 136–161; № 6. С. 350–388; Ч. CCCL. № 12. С. 370–405; 1904. Ч. CCCLI. № 1. С. 137–173; Ч. CCCLII. № 4. С. 215–239; Ч. CCCLIII. № 5. С. 131–168.
24. Лебедев (1987) — *Лебедев Л., прот. Крещение Руси*. М.: Изд-во Московской патриархии, 1987.
25. Левченко (1956) — *Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений*. Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
26. Мавродин (1945) — *Мавродин В. В. Образование древнерусского государства*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1945.
27. Макарий Булгаков (1857) — *Макарий (Булгаков), митр. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю русской церкви*. СПб.: Тип. военно-учебных заведений, 1857.
28. Мацеёвский (1840) — *Мацеёвский В. А. История первобытной христианской церкви у славян*. Варшава: Тип. Ю. Качановского, 1840.
29. Насонов (1951) — *Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: историко-географическое исследование*. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
30. Пап (2001) — *Пап С., свящ. История Закарпаття*. Ивано-Франківськ: Нова Зоря, 2001. Т. I.

31. Рансимен (2009) — *Рансимен С.* История Первого Болгарского царства. СПб.: Евразия, 2009.
32. Рапов (1988) — *Рапов О. М.* Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М.: Высшая школа, 1988.
33. Рыбаков (1963) — *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
34. Рыбаков (1993) — *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь и русские княжества XII–XIII вв. 2-е изд. М.: Наука, 1993.
35. Рябцева, Рабинович (2014) — *Рябцева С. С., Рабинович Р. А.* О возможности выделения венгерских древностей в Карпато-Днестровском регионе в IX–X вв. // Русь в IX–XII вв.: Общество. Государство. Культура / Под ред. Н. А. Макарова и А. Е. Леонтьева. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 263–279.
36. Сахаров (1980) — *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси. М.: Мысль, 1980.
37. Творогов (1992) — *Творогов О. В.* Сколько раз ходили на Константинополь Аскольд и Дир? // Славяноведение. 1992. № 2. С. 54–59.
38. Тихомиров (1947) — *Тихомиров М. Н.* Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // Советская этнография. 1947. № 6–7. С. 60–80.
39. Юрасов (2005) — *Юрасов М. К.* Новые данные о крещении предков русинов св. Мефодием и его учениками // Русин. [Кишинёв], 2005. № 2. С. 46–54.
40. Юрасов (2010а) — *Юрасов М. К.* К вопросу о дате крещения предков русинов св. Мефодием // Русин. [Кишинёв], 2010. № 1 (19). С. 51–58.
41. Юрасов (2010б) — *Юрасов М. К.* Какие «Росы» были крещены в год захвата вещим Олегом Киева? // Проблемы славяноведения. Вып. 12. Брянск: РИО БГУ, 2010. С. 5–14.
42. Юрасов (2012) — *Юрасов М. К.* Венгерско-хазарские отношения IX в. и складывание Древнерусского государства // Русь в IX–X вв. Общество. Государство. Культура. Тезисы докладов международной научной конференции. М.: ИА РАН, 2012. С. 92–93.
43. Юрасов (2013) — *Юрасов М. К.* Подкарпатская Русь — одна из колыбелей христианства у восточных славян. Очерки ранней истории русинов. Saarbrücken: Sanctum, 2013.
44. Юрасов (2015) — *Юрасов М. К.* Восточные славяне в эпоху гегемонии венгров в южно-русских степях // Проблемы истории Новороссии. Сб. статей / Отв. ред. В. Н. Захаров. М.: ИРИ РАН, 2015. С. 9–17.
45. Юрасов (2017а) — *Юрасов М. К.* Славянское население юга Восточной Европы // История Новороссии / Отв. ред. В. Н. Захаров. М., 2017. С. 34–41.
46. Юрасов (2017б) — *Юрасов М. К.* К вопросу о времени появления первой волны печенегов в степях Восточной Европы // Историческая русистика в XXI веке. Материалы международной научной конференции Будапештского центра русистики от 18–19 мая 2015 г. / Отв. ред. Д. Свак. Будапешт: Russica Pannonicana, 2017. С. 73–83.
47. Czeglédy (1975) — *Czeglédy K.* Árpád és Kurszán (Az Árpád-kori megalapításához) // Zalai Tükör. 1975. II. 43–58. I.
48. Magyarország (1986) — Magyarország történeti kronológiája. I. A kezdetektől 1526-ig. / Főszerk. Benda K. 3. kiad. Bp.: Akadémiai Kiadó, 1986.
49. Soloviev (1956) — *Soloviev A.* Der Begriff „Russland“ im Mittelalter // Studien zur älteren Geschichte Osteuropas. Teil I. Graz; Köln: Verlag Hermann Böhlau, 1956. S. 143–168.
50. Vasiliev (1946) — *Vasiliev A.* The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge (Mass.): The Mediaeval Academy of America, 1946.